

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Разработка серийного оформления *М. Коняевой*

Оформление обложки *А. Ивановой*

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии:

© Sergey Alimov / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Иллюстрация *Анастасии Ивановой*

Панов, Вадим Юрьевич.

П16 Костры на алтарях / Вадим Панов. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-110921-9

Когда-то Москва была столицей великой страны, потом она стала Анклавом, одним из многих. Теперь ее тайны могут спасти прижатый к стенке мир. Мир, в котором властвует Цифра, нанотехнологии и гениальная инженерия позволяют добиваться невероятных результатов, а могущественные корпорации соперничают с одряхлевшими государствами. Мир, который отчаянно пытается найти дорогу в будущее. Мир, в котором борьба за власть достигла апогея.

Вим Дорадо — скрытый наемник, прячущийся под личиной успешного музыканта. Получив заказ, который сулит очень приличный чек, он, естественно, соглашается. Но это ловушка... Теперь за ним охотятся сразу несколько самых могущественных организаций этого мира. Но Вим проворен не только физически... А там, где сталкиваются амбиции сразу нескольких больших игроков, всегда есть шанс победить не силой, а хитростью.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-110921-9

© Панов В. Ю., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРОЛОГ

За два месяца до описываемых событий

АНКЛАВ: СИНГАПУР

ТЕРРИТОРИЯ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БИЗНЕС-ОКРУГ

ТЕРРИТОРИЯ: МУТАБОР-ХОЛЛ

ПОИСКИ ИСТИНЫ ТРЕБУЮТ ТЕРПЕНИЯ И ВНИМАТЕЛЬНОСТИ

Вечер в «Европейском» салоне одного из самых лучших отелей Сингапура — «Pan Pacific» протекал по традиционному, давным-давно сложившемуся сценарию, приятному для гостей, удобному для хозяев. В обширном, с высокими потолками помещении, украшенном подлинниками флорентийских мастеров, собралось около сорока человек. Мужчины — преимущественно в смокингах, женщины — преимущественно в платьях. Не обязательно в вечерних, но тем не менее — платьях. Неписанные правила не рекомендовали гостям отеля облачаться для выхода в салон в деловые костюмы. На диванах и в креслах шли неспешные разговоры, где-то о бизнесе, где-то о политике, где-то о нашумевших театральных постановках. Незаметные официанты разносили напитки, рыбацьей джонкой вертелся главный менеджер «Pan Pacific», лично приветствуя дорогих постояльцев, а слух гостей услаждала негромкая мелодия, ее отголоски долетали даже до открытой террасы, в которую плавно переходил салон.

Стояла редкая для морского города безветренная погода, и даже на высоте тридцатого этажа воздух оставался на удивление спокойным.

— Вы позволите?

Все выставленные на террасу кресла были заняты, и лишь в самом дальнем углу, у небольшого столика, за которым сидел бритый наголо старик в старомодном черном костюме, оказалось свободное место. Именно к нему подошла высокая рыжеволосая женщина, появившаяся в салоне без спутников и

уже успевшая отделаться от менеджера «Pan Pacific». В руке она держала бокал с коктейлем.

— Мне хочется подышать свежим воздухом.

— Как я могу возражать, мадам? — Старик поднялся на ноги и учтиво склонил голову: — Хасим Банум, мадам, к вашим услугам.

— Лина Томпсон. — Женщина опустила в кресло.

— Очень приятно. — Банум вновь присел. — Вы из Америки?

Вопрос был задан с приличествующей случаю вежливостью: старик явно не испытывал потребности в общении, но воспитание не позволило ему проигнорировать появление соседки.

— Приехала по делам из Анклава Сизтл. А вы?

— Из Европы, — коротко ответил Хасим. — Я путешествую.

— Просто так?

— Определенная цель присутствует, — не стал скрывать Банум. — Я веду уединенный образ жизни, однако раз в несколько лет покидаю дом, изучая произошедшие в мире изменения.

— Какие именно?

— Наиболее интересные.

— Весьма расплывчато. — Американка поднесла к губам бокал.

— Я человек широких взглядов, — улыбнулся старик.

— Вы ученый?

— В какой-то мере — да. Но академическая карьера меня не прельщает, я веду изыскания с целью удовлетворения собственного любопытства. Мне интересно наблюдать за происходящими в мире процессами и размышлять, куда они нас заведут.

— Для чего?

— Удовлетворяю свое любопытство, — повторил старик.

— Завидую, — вздохнула Томпсон. — В наши дни мало кто может себе позволить жить так, как хочется. У большинства есть дела и обязательства.

— Не соглашусь насчет немногих, — тут же отозвался Банум. — Вы, насколько я понимаю, принадлежите к высшим слоям общества?

— Обычные люди в этом салоне не появляются.

Фраза прозвучала с легким высокомерием: американка выразила удивление сомнениям собеседника.

— В таком случае, вы видели множество людей, которые могут себе позволить жить так, как им хочется. К сожалению, хочется им не так уж и много: роскошь, развлечения, наркотики...

— В вашей жизни этого не было?

— Когда-то я не отказывал себе в удовольствиях, — признался старик.

— Тогда почему вы обвиняете других?

— Ни в коем случае! — Банум выставил перед собой руки ладонями вперед, и Лина впервые с начала разговора обратила внимание на то, что кисти скрыты тонкими черными перчатками. — Молодость дается только раз, ее надо прожить широко, тем более когда есть возможность. Но возникает вопрос: что дальше? Я видел и сорокалетних и даже пятидесятилетних «мальчиков», продолжающих бездумно транжирить унаследованные состояния.

— Такое случается, — подтвердила Томпсон.

— Но в большинстве своем отгулявшая «золотая молодежь» бодро идет по стопам родителей, занимая их кабинеты и кресла.

— Что в этом плохого? — Американка поставила опустевший бокал на столик — его тут же подхватил официант — и удивленно посмотрела на старика. — Я унаследовала дело отца и теперь являюсь председателем совета директоров корпорации. Пусть и небольшой корпорации, но...

— А кем вы хотели быть в юности? Председателем совета директоров?

— Еще коктейль, мадам?

— Да.

Банум, предпочитающий красное сухое, сделал маленький глоток вина, продолжая вопросительно смотреть на собеседницу.

— Именно это я и имела в виду, когда говорила об обязательствах, что накладывает на нас жизнь, — твердо ответила Лина. — Я должна была встать во главе корпорации.

— Кому должны?

— Отцу, детям... — протянула Томпсон. — В конце концов, тем людям, которые на нас... на меня работают.

— Почему вы считаете, что под вашим руководством им хорошо?

— Потому что я умею вести дела!

— Так кем вы мечтали стать в юности?

— Не ваше дело!

Лина отвернулась, приняла из рук официанта бокал с коктейлем и сделала большой глоток.

Ветер постепенно усиливался, пробирался под одежду, гости покидали террасу, и ей захотелось пересечь на освободившееся кресло, подальше от несносного старика. Но воспитание, воспитание...

— Жизнь в Китае отличается от уклада, принятого в Исламском Союзе или Омарском эмирате, — негромко произнес Банум. — В Индии или странах Католического Вуду она течет совсем иначе, чем в Анклавах. Но везде, я подчеркиваю — везде, постепенно формируется система, близкая к кастовой. Истории о том, как честолюбивый молодой человек сумел подняться в высшие слои общества, выглядят правдиво лишь в телесериалах. Получать хорошее образование — долго и дорого, в результате подавляющее большинство людей остается внизу, на уровне, который определен их примитивными знаниями.

— Вы бы хотели, чтобы каждый человек на Земле владел личной транснациональной корпорацией? — язвительно осведомилась Томпсон.

— Я наблюдатель, — пожал плечами Банум. — Я ничего не хочу: ни мира для всех, ни войны. Не обижайтесь, Лина, но мне плевать и на верхолазов, и на работяг. Я поделился наблюдениями, полагая, что они вам интересны. Я ошибся?

— Нет, — буркнула американка. — Признаюсь честно: выходя на террасу, я хотела отдохнуть после напряженного дня, но... беседа меня увлекла.

— Спасибо. — Старик задумчиво посмотрел на стремительно наползающие облака. — Не считите меня ретроградом, но по сравнению с нынешним положением дел классическая дворянская система давала обществу гораздо больше плюсов. Титул наследовал старший сын, а остальным детям приходи-

лось добиваться всего самостоятельно. Кто-то удачно женился, кто-то шел в армию, кто-то искал себя в других сферах. У меня есть теория, что научный расцвет, случившийся в девятнадцатом веке, порожден именно этим обстоятельством: множество молодых, образованных и честолюбивых людей искали себя вне пределов своего круга. У них не было возможности сесть в родительское кресло, а потому приходилось работать. В том числе — исполнять юношеские мечты.

— Одно из ваших наблюдений?

— Один из моих выводов, Лина, один из моих выводов. Сын ученого не обязательно станет гением, дочь бизнесмена не всегда хорошо разбирается в делах. Разбитое на касты, лишенное притока свежей крови общество обязательно останавливается в своем движении. Сын верхолаза становится верхолазом, сын лавочника — лавочником, сын мусорщика — мусорщиком. Люди делают то, что должны, не понимая, что должны они делать то, к чему лежит душа.

Он не сказал ей ни одного дурного слова, но Томпсон почувствовала себя оскорбленной.

«Я не разбираюсь в бизнесе?!»

Однако воспитание не позволило американке вспылить. Она допила коктейль и холодно поинтересовалась:

— Что вы ищете в Сингапуре?

— В этом Анклаве, насколько мне известно, скоро произойдут интересные события, — любезно ответил Банум.

Ветер еще не успел унести его слова, как небо над ночным Сингапуром осветило зарево мощного взрыва. Он прозвучал далеко за пределами Центрального Бизнес-Округа, звук не долетел до террасы, однако вспышка напомнила дорогим гостям «Pan Pacific» о некоторых аспектах повседневной жизни Анклавов.

— Все знают, что здесь будет бунт, — вздохнула Томпсон.

— Вы приехали, потому что беспокоитесь о вложениях?

— А вы, чтобы посмотреть?

— Да, — улыбнулся старик.

— Так кто из нас хуже?

Банум покачал головой:

— Лина, разве я обвинял вас в чем-то? Мы оба такие, какие есть. Позвольте угостить вас коктейлем, и давайте вме-

сте посмотрим на город. Что-то мне подсказывает, что взрыв, который мы с вами только что наблюдали, — не последний.

Впоследствии, анализируя события, приведшие к беспрецедентному событию — захвату сингапурского филиала Мутабор, военные эксперты особенно подчеркивали два обстоятельства. Во-первых, крупномасштабные столкновения, вспыхнувшие между малайцами и китайцами и оттянувшие на себя значительные силы СБА. Обычно храмовники сами защищали свои территории, однако Мутабор имел статус транснациональной корпорации, Служба обязана была оказать помощь, но из-за беспорядков подразделения СБА прибыли со значительным опозданием, когда здание уже горело. Во-вторых, военные кивали на крайне неудачное расположение филиала. Мутабор всегда держался особняком, контролировал довольно большие зоны в каждом Анклаве, а вот в Сингапуре, остро страдающем от нехватки земли, ограничился всего одним кварталом, расположенным как раз у южной границы малайской и китайской территорий. И тот факт, что его коснулись беспорядки, не вызвал ни у кого удивления.

Однако никто из экспертов, во всяком случае — официально, не признал, что захват храмового комплекса был спланирован и проведен на высоком уровне. Мутабор-холл атаковали не толпы погромщиков — с бунтарями прятки разобрались бы без особого труда, — а профессионалы. Дом-квартал Мутабор представлял собой единое строение — атаковали с четырех сторон одновременно. Стены проламывали тяжелыми бульдозерами, затем внутрь врывались бойцы, а уж за ними — толпа погромщиков. Немногочисленные прятки, о боевых качествах которых по миру ходили только восторженные отзывы, оказались бессильными против массированного вторжения. Они сумели задержать нападавших, позволив храмовникам запустить механизм самоуничтожения наиболее важных объектов, а затем организовали прорыв, увели людей на корпоративную территорию, оставив горящий филиал во власти погромщиков.

— Как в пещере Али-Бабы, да?

Тай был невысок, худощав и... опытен. Очень опытен. Он вырос на улицах Бангкока, стал бандитом, служил в специ-

альном армейском подразделении, снова вернулся в опасные кварталы, сумев пройти путь от уличного убийцы до лидера довольно крупной организации. Он видел много крови, знал свою силу — немаленькую силу, но старика боялся до колик. Отчетливо боялся, бессознательно демонстрируя это и жеста-ми, и мимикой, и тембром голоса. И шутка его прозвучала вымученно.

— Неудачное сравнение, — ответил Банум, внимательно разглядывая разложенные вокруг сокровища. — Если верить сказкам, коллекция разбойников состояла из целых вещей, вы же предлагаете остатки... точнее, останки.

Несколько разбитых компьютеров (Тай уверял, что жесткие диски не повреждены), пять или шесть образцов тканей в пластиковых контейнерах с непонятными маркировками, несколько лабораторных журналов, которые Банум пролистал без особого интереса, несколько колб с жидкостями, которые старик не преминул понюхать, — вот, собственно, и все, что удалось вынести из филиала Мутабор.

— У храмовников был план на случай вторжения, — пробормотал Тай. — Они сожгли и взорвали большую часть помещений. Мои ребята вынесли эти предметы, рискуя жизнями.

— За это вам платят.

«Не вы», — хотел сказать Тай, но прикусил язык.

Да, платил ему не старик, а корпорация. Хитрецы из «Фарма 1» решили воспользоваться назревающим в Сингапуре бунтом, чтобы добраться до секретов Мутабор — обычный для Анклавов случай промышленного шпионажа. Каперы наняли банду Тая, щедро заплатили за услуги, но... первым собранные трофеи изучал Банум. Хмурый старик нашел Тая два дня назад и сделал предложение, от которого тот не смог отказаться. Тай до сих пор не мог понять, как Банум проведал о его роли в деле, как смог отыскать его, укрывшегося перед операцией в надежнейшем месте, и как ему одному — одному! — удалось перебить пятерых телохранителей. Но Тай не искал ответов. Он был опытен и знал, когда нужно уступить. Он принял предложение старика, выложил ему добычу, а представители «Фарма 1»... представители «Фарма 1» приедут в «пещеру Али-Бабы» через час. Заберут то, что останется.

— Что это такое? — Банум взял в руки два обгоревших листа бумаги и медленно прочел напечатанный латиницей текст: — «Авва марда Авва. Куар...»

— Нашли в одном из помещений, — торопливо объяснил бандит. — Там все горело, но в окно залетела граната, и взрывной волной листочки вынесло в коридор. Я заметил и взял.

— Вы молодец, Тай.

— Спасибо.

Таким вежливым бандит был только в далекой юности.

— Я возьму их. — Банум аккуратно положил листочки в твердую пластиковую папку. — И заплачу вам... двадцать тысяч юаней.

— Спасибо, — еще раз поклонился Тай, который никак не рассчитывал на вознаграждение — живым бы остаться. И уточнил: — Возьмете только их?

Ведь нужно что-нибудь показать каперам...

— Любой, кто хотя бы поверхностно знаком с принципами Мутабор, знает, что храмовники не хранят важную информацию в обычных компьютерах, — усмехнулся Банум. — Лабораторные образцы меня тоже не интересуют, в отличие от «Фарма 1» меня не прельщают промышленные секреты. Я хочу знать, что есть Мутабор, а не что он умеет.

— Зачем?

Таю не следовало задавать этот вопрос, но он не сдержался. Уж больно неожиданно прозвучали слова старика.

«Не интересуешься промышленными секретами?»

Банум помолчал, то ли подбирая слова, то ли обдумывая, не послать ли задавшего вопрос бандита подальше, а затем, улыбнувшись, с видом человека, отыскавшего оригинальный ответ, произнес:

— Я пишу книгу, мой друг, пишу книгу...

Человек должен верить.

Не быть уверенным в доказательствах, собранных в трактатах ученых мужей, а именно верить.

Знание рационально, его стихия — материальный мир, подчиняющийся сложным, но объяснимым законам, овладеть

которыми способен любой, проявивший некоторое усердие человек. Знание — выверенная последовательность действий и холодный расчет. А вера дарит надежду. В том числе — на несбыточное. Знание укажет твоё место на круглой Земле, а вера позволит слиться со всей Вселенной. Знание отщелкивает время безразличными стрелками часов, а вера открывает путь к вечности. Знание опирается на непроверяемые факты, льётся со страниц учебников и научных журналов. Вера же прячется в душе, и единственное доказательство её силы — твоя крепость.

Перспектива и надежда, песчинка и Вселенная, секунда и вечность, факты и убежденность, разум и душа. Откажись от надежды — и тебя проглотят серые будни, превратят в шестеренку, в тупого голема, вся жизнь которого — работа и развлечения. Забудь о разуме — и потеряешь фундамент, мир потускнеет, сузившись до размера догм.

Человек обязан знать.

Человек не может не верить.

Человек раскалывает атом, строит километровые небоскребы, летит на Луну и... И вчитывается в строки, написанные за тысячи лет до его рождения, в строки, в которых таится ключ к его душе. Строки, в которых сосредоточена мудрость его Традиции.

Путь любого учения, овладевшего душами миллионов, одинаков. Сначала Слово, книга или предание, способные достучаться до людских сердец. Идеи, которым предстоит стать окаменевшими догмами, но пока еще бурлящие живостью и силой. Затем — долгое становление. Не обязательно только мечом, не всегда только словом. Человек — хищник, а хищника можно убедить, лишь продемонстрировав силу. Силу духа и силу стали. Любая Традиция должна пройти испытание на прочность, в противном случае она зачахнет, отомрет, подобно лишенной воды лозе, исчезнет, не оставив после себя ничего, даже памяти. Ведь слова, даже те, что коснулись сердца, это всего лишь слова...

Но вот преодолены трудности, повержены враги, и наступают период расцвета, эпоха величия и лавровых венков. Миллионы адептов не ставят под сомнение основополагающие постулаты, верят искренне, всей душой, готовы умереть ради слов,

слившихся с их сердцами. Хранители ревностно берегут покой Традиции, без колебаний вытаптывая сорную траву, защищая свое право быть Истиной в последней инстанции. Сколь долго будет продолжаться период расцвета, зависит от многих причин. Вместо героев приходят хитрецы, величие и гордость подменяются самолюбованием, обряды становятся рутинной, привычкой, теряется их глубинный смысл, и когда появляется новое — дерзкое, бурлящее и сильное, оно кажется притягательным. Ведь новое еще не окаменело, оно еще живое...

Люди ошибаются, полагая, что испытание на прочность Традиции проходят лишь во время становления. Люди слабы, и блестящие игрушки современности всегда будут казаться им более привлекательными, нежели древние, «ограничивающие личность» правила.

Именно поэтому я с таким интересом исследую феномен нейкизма — учения, порожденного «блестящими игрушками современности». Слово, пришедшее из материального мира. Попытка создать религию, опираясь на факты и доказательства.

Можно ли рассматривать учение машинистов как Традицию или, учитывая незначительность времени, прошедшего с момента появления «Чисел Праведности», как зарождающуюся Традицию?

Детальный анализ «Чисел Праведности» показывает, что Эммануэль Мария Нейк хорошо изучила опыт становления существующих Традиций и создала книгу, способную заложить основы полноценного учения, весьма и весьма интересного современному человеку. Учения, ставшего порождением материального мира, а потому понятного каждому. Люди знают, что такое компьютер, сеть, программное обеспечение, легко увязывают все это в глобальное понятие «Цифра», оглядываются вокруг, видят, сколь глубоко проникла она в привычный мир, и задаются вопросом: «Где место Человека?» Нейк дает ответ: в слиянии. Нейк дает ответ: мы изменили мир и не должны бояться управлять им. Блестящие игрушки обретают сакральную силу и тянутся к душам. Не Слово лежит в основе нейкизма, но холодное железо, творение рук человеческих, инструмент.

Материальный мир предлагает верить в то, что можно только использовать. Обожествить лопату или микроскоп. Вам кажется это странным? На самом деле это естественно, ибо материальный мир неспособен предложить ничего другого.

Вся история человечества рассматривается нейкистами как необходимый, но темный, ужасающий период. Тысячелетия, в течение которых люди приближались к созданию первого компьютера, в интерпретации Поэтессы являют собой время безусловного варварства. *Homo sapiens* в полном смысле этого слова, по мнению нейкистов, явился лишь в Эпоху Цифры. Но и его судьба будет короткой, очень скоро ему предстоит уступить место новому человеку, называть которого, судя по всему, станут *Homo arifmeticus*. Нейкисты согласны с тем, что именно человек создал Эпоху Цифры, но в уважении, которое они выказывают людям прошлого, есть доля лукавства. В нем сквозит снисходительность инфантильных юнцов, искренне надеющихся обойтись без родительских советов. Обожествляя средства связи, нейкисты отказываются использовать накопленный за тысячелетия опыт нематериального мира, отказываются от Слова, объявляют мракобесами и лжецами всех, чьи действия невозможно просчитать на компьютере. И это отнюдь не недостаток, как поспешили заявить критики «Чисел», это системная ошибка.

Это разница между материальным миром Цифры и миром Слова.

Прошлое для нейкистов — это собрание достоверных и не очень фактов, подкрепленных археологическими изысканиями. Это массив информации. Прошлое для нормального человека — это чувства. Он может забыть, в какой день недели впервые влюбился, но никогда не забудет своих эмоций. Он не скажет, кто именно спланировал битву на Курской дуге, но помнит о ней и гордится своими предками. Отрицание прошлого — не очернение, не выборочное использование в своих интересах, а именно отрицание — еще никому не помогло.

Несомненно привлекательным покажется современному человеку основной постулат «Чисел Праведности»: возможность возвыситься благодаря уму и способностям. Поэтесса уверяет, что любой нейкист способен достичь статуса Бога.

Обманывает? Не совсем. Просто использует сильные слова для обозначения простых вещей.

Тщательно изучив истории компьютерных войн, я обнаружил примеры странных, необъяснимых с рациональной точки зрения, успешных атак на самые защищенные сети современности. Я услышал истории о ломщиках, способных вставлять в «балалайки» «поплавки» и разгонять их до максимальных скоростей. О ломщиках, умеющих переносить свое сознание в сеть.

Статус Бога?

Но тогда при чем здесь «синдин», укол которого является обязательным условием «переноса сознания»? Зачем нужен знаменитый наркотик ломщиков? И почему Эммануэль Мария Нейк написала свою книгу после появления «синдина», а не до? Уж не потому ли, что настоящая Эпоха Цифры началась не с первого компьютера, а именно с «синдина»? Кстати, до сих пор неизвестно, действительно ли его разработал Мутабор. Как мы знаем, храмовники упорно открещиваются от этих лавров.

Заявляя, что любой человек способен достичь уровня Бога и предъясняя в качестве доказательства группу обколотых «синдином» ломщиков, нейкисты не просто выставляют себя на посмешище, но и допускают еще одну системную ошибку.

Если Бога можно создать, если его уровня можно достичь, то это уже не религия. Это компьютерная игра.

Нейкизм — переполненное системными ошибками порождение материального мира. Любой уважающий себя машинист читал «Числа Праведности», но Библией она стала не для всех. Книга Поэтессы приятно щекочет самолюбие машинистов, уверяя их в собственной значимости, если не сказать — избранности, но не более того. Люди душой чувствуют Слово, настоящее Слово, и не ощущают ничего сакрального в холодном железе, а потому многие чтящие «Числа Праведности» машинисты ходят по воскресеньям в церковь или расстилают молитвенный коврик пять раз в день. Тем не менее идеи Поэтессы обладают притягательной силой, они востребованы современным миром, и я буду удивлен, если рано

или поздно не придут люди, которые захотят сформировать на их базе полноценную организацию. Возможно, появится и тот, кто попытается избавить нейкизм от системных ошибок, и именно тогда можно будет говорить о начале становления новой Традиции.

И именно тогда мне придется переписать эту главу.

книга Урзака